

НОРА РОБЕРТС

Призрак смерти

*Одна из лучших
футуристических
детективных серий
на современном рынке.*

Publishers Weekly

Нора Робертс
Призрак смерти
Серия «Ева Даллас», книга 26

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3020965
Призрак смерти: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-46618-4

Аннотация

Перед Евой Даллас – лейтенантом нью-йоркской полиции – стоит нелегкая задача: ей нужно раскрыть сразу два загадочных убийства. Задача осложняется тем, что в старом доме, в котором совершено преступление, обитает таинственный призрак, который пытается запутать следствие...

Содержание

1	4
2	16
3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Нора Робертс

Призрак смерти

В безумии почти всегда есть свой метод.
Честертон

*Милорд, не нужно призраку
восстать из гроба, чтобы сказать нам это.*
Шекспир

1

Зима была убийственной. Скользкие улицы и обледеневшие тротуары с жестокой регулярностью становились причиной переломов у многих нью-йоркцев. Мороз выстуживал кровь и останавливал по несколько сердец каждую ночь в застывшем убожестве Сайдуок-Сити.

А счастливые обладатели теплых уютных домов предпочитали оставаться в своих жилищах, не желая подставляться под удары пронизывающего ветра и ледяного дождя. В первые две недели января 2060 года отвратительная зима была решающим фактором в резком увеличении количества звонков с сообщениями о домашнем насилии в Департамент полиции и безопасности Нью-Йорка.

Даже внешне вполне благополучные пары начинали нерв-

ничать, раздражаться и ссориться, когда холодные узы зимы надолго приковывали их друг к другу.

Домашнее насилие не представляло интереса для лейтенанта Евы Даллас, если только какие-нибудь сумасшедшие супруги не убивали друг друга в приступе тоски или безумия.

Ева Даллас занималась убийствами.

Этим унылым и промозглым утром она стояла над трупом. Было очевидно, что не ледяные объятия зимы стали причиной смерти Рэдклиффа С. Хопкинса III, хотя они могли внести свой вклад. Кто-то проделал несколько дырок в груди Рэдклиффа и еще одну во лбу.

Напарница Евы, детектив Делия Пибоди, присела на корточки, чтобы получше рассмотреть тело.

– Я такое видела только в учебных видеофильмах, – сказала она.

– А я видела. Один раз.

Это тоже было зимой, припомнила Ева. Тогда она вот так же стояла над телом первой жертвы в целом ряду убийств и изнасилований. Запрет на огнестрельное оружие действовал, и пулевые ранения встречались уже редко. Люди хотя и продолжали убивать друг друга, но такой способ – пуля, убивающая на расстоянии, – был редкостью.

С Хопкинсом расправились именно таким, давно устаревшим способом, но от этого он не становился менее мертвым.

– Ребята из лаборатории будут потирать руки, – пробормо-

мотала Ева. – У них теперь редко бывают такие вызовы, когда им приходится иметь дело с баллистикой.

Ева, высокая, худая молодая женщина, была в своем неизменном кожаном длинном пальто. В качестве редкой уступки холодной погоде она надела черную фуражку на коротко стриженные каштановые волосы. И она опять потеряла свои перчатки.

Ева дала возможность Пибоди самостоятельно определить время смерти.

– Шесть видимых ран, – сказала она. – Четыре на теле, одна в правой ноге, одна рана в голову. Судя по брызгам и следам крови, первая пуля попала в него там, – она указала в сторону. – Сила удара отбросила его, он упал и попытался отползти. Крупный мужчина, крепко сбитый, сильный с виду. Допускаю, что он даже попытался встать.

– Время смерти – два часа двадцать минут. – Пибоди, чьи темные волосы были собраны на затылке в легкомысленный короткий хвост, подняла голову. На ее широком лице застыло профессионально-непроницаемое выражение, но темные глаза азартно блестели. – Личность установлена. Вы знаете, кто он такой?

– Хопкинс, Рэдклифф С., с дурацкими римскими цифрами после имени.

– Видно, что вы не интересуетесь культурной жизнью. Его дедом был тоже Рэдклифф С. Хопкинс I, его все называли просто Хоп, сколотивший огромное состояние во времена

«буйных шестидесятых», то есть в шестидесятых годах прошлого века. Секс, наркотики и рок-н-ролл. Ночные клубы, зрелищные площадки. В основном в Лос-Анджелесе, до начала бума в Калифорнии, но у него было одно местечко и здесь, в Нью-Йорке. Оно процветало лет двадцать, а потом посыпались неудачи. А легендарная Бобби Брэй, она...

– Я знаю, кто это. – Ева засунула большие пальцы в карманы пальто, покачиваясь на каблуках и продолжая изучать место преступления. – Я не полная невежда в поп-культуре. Рок-звезда, наркоманка, а теперь культовая фигура. Помнится, она пропала без вести.

– Да... Она была его женой, третьей или четвертой, а потом бесследно исчезла. Ходили слухи, что он сам прикончил ее или заказал ее убийство, но копы не смогли собрать достаточно улик для того, чтобы предъявить обвинение. Сам-то Хопкинс слегка повредился в уме, стал отшельником, потерял кучу денег и умер от передозировки какого-то зелья, точно не помню какого. Это произошло здесь, в Нью-Йорке.

Пибоди поднялась на ноги.

– Отсюда начинается городская легенда. Место, где он умер, находилось над его клубом; он укрывался от мира в роскошной квартире на верхнем этаже. После его смерти здание переходило из рук в руки, но никто из его владельцев не смог преуспеть, потому что... – Пибоди выдержала эффектную паузу, – потому что оно проклято и в нем водятся призраки. Любой, кто начинает жить или вести свои дела

в этом доме, страдает от психических или физических расстройств.

– Дом номер двенадцать. Да, я слышала о нем. Интересно... – Ева обвела взглядом большую запущенную комнату. – Значит, дом проклят, и в нем поселились призраки. Может быть, наш Хопкинс рассчитывал подкрепить семейную легенду собственным примером.

– О чем вы? – У Пибоди широко открылись глаза. – Это то самое место? То самое? О господи! Боже ты мой!

– Был анонимный звонок в службу 911. Я собираюсь проверить это сообщение: возможно, звонил убийца. Судя по тому, что мне удалось узнать, покойный приобрел дом и приступил к ремонту и реставрации. Вероятно, он рассчитывал частично возродить славу своего знаменитого деда. Но что он делал в проклятом здании с призраками в два часа ночи?

– То самое место, – благоговейно повторила Пибоди. – Дом номер двенадцать.

– Да, дом номер двенадцать по Двадцатой Восточной улице. Давай-ка перевернем тело.

– Ага.

Когда они перевернули тело, губы Евы сжались в тонкую линию.

– Кто-то очень хотел убить этого парня. Еще три входных отверстия в спине. В лаборатории должны подтвердить, но я думаю... – Она пересекла комнату и подошла к винтовой железной лестнице. – Он стоял вот здесь, лицом к нападавше-

му. Бах, бах – первые пули попали в грудь, – Ева похлопала себя по груди. – Его отбрасывает назад, он падает. След запекшейся крови показывает, что он пытался отползти к двери.

– Но дверь была заперта изнутри, – продолжила Пибоди. – Так сказал тот парень, который первым оказался на месте преступления.

– Да, я помню. Итак, он ползет, а убийца следует за ним. Бах, бах – теперь он стреляет в спину.

«Наверняка звук выстрелов был оглушительным, – подумала Ева. – У убийцы, наверное, звенело в ушах».

– Но это еще не все, – проговорила Ева. – С ним еще не закончили. Он падает, мертвый или умирающий, но этого недостаточно. Убийца переворачивает тело и приставляет ствол пистолета ко лбу жертвы. Видишь следы ожога вокруг входного отверстия? Это контактный ожог. Мне пришлось заниматься огнестрельным оружием во время расследования дела Дебласса два года назад. Итак, убийца приставил пистолет прямо ко лбу и выстрелил. Вот теперь все, дело сделано.

Сцена убийства развернулась перед мысленным взором Евы, она словно слышала все звуки, ощущала запахи.

– Ты приставляешь пистолет так, – она уткнула палец в свой лоб. – Во время выстрела ствол соприкасается с кожей. Это очень личное дело. Если ты всаживаешь в кого-то столько пуль, значит, ты не на шутку разозлился.

Старинные часы, бумажник с наличными и кредитками,

кодовые ключи, карманный коммуникатор – все осталось при нем. Убийца даже не потрудился инсценировать ограбление. Мы еще проверим электронику, а теперь давай посмотрим на коммуникатор.

Ева взяла коммуникатор рукой в резиновой перчатке и вызвала последнее сообщение. Послышался едва различимый шуршащий звук, от которого у нее пробежал холодок по спине. Потом через него пробился хриловатый женский голос:

«Дом номер двенадцать, два часа ночи. Принеси это, и мы отлично повеселимся».

– А может, это все-таки ограбление.

– Вы слышали этот голос? – Пибоди оглянулась через плечо. – Это какие-то неземные звуки.

– Возможно, звук сгенерирован на компьютере. Ведь, насколько мне известно, призраки не оставляют голосовых сообщений и не стреляют из пистолета. Дело в том – и это может быть новостью для тебя, Пибоди, – что призраков не существует.

Пибоди покачала головой:

– В самом деле? Расскажите это моей двоюродной бабушке Джози, которая умерла восемь лет назад и с тех пор возвращалась еще раз десять, чтобы попилить своего мужа Фила за то, что туалет течет. Она оставила его в покое только после того, как он наконец вызвал водопроводчика.

– А этот Фил, наверное, не дурак выпить?

– Да ладно вам! Люди часто видят призраков.

– Это потому, что люди по большей части ненормальные. Все, хватит! Давай работать над делом, Пибоди. Палец, нажавший на спусковой крючок, принадлежал не призраку, и не призрак заманил жертву в пустой дом ночью. Проведем проверку по списку. Бывшие жены, члены семьи, другие наследники, деловые партнеры, друзья и враги. И давай ограничимся материальными вещами.

Ева снова осмотрела тело, гадая, принес ли покойный то, о чем его просили, что бы это ни было.

– Тело пусть забирают и нацепят бирку, – наконец сказала она. – А ты займись дверями и окнами. Надо установить, как убийца покинул здание. А мне нужно еще раз поговорить с тем человеком, который обнаружил тело.

– Вы хотите, чтобы я осталась здесь? Одна? Да ни за что!

– Ты серьезно? – спросила изумленно Ева. Но выражение лица Пибоди сказалось ей, что напарница и не думает шутить. – Ладно, пусть будет по-твоему. Возьми на себя первого свидетеля, а я займусь домом.

– Другое дело! Вызвать криминалистов?

– Давай.

Ева произвела поверхностный осмотр главного помещения. Возможно, в прошлом веке это и было бойкое место, но теперь оно явно пришло в упадок. Она видела, что кое-где начались ремонтные работы. Секции облезлых стен разобраны до несущего каркаса, обнажая старую, не защищенную

кодами электропроводку. В помещении несколько переносных светильников и обогревателей, а на полу аккуратно сложены стройматериалы.

Но и материалы, и светильники покрыты густым слоем пыли. Вероятно, Хопкинс начал ремонт, но все выглядело так, как будто последние рабочие давно ушли с объекта.

Части стойки старого бара были сложены в центре помещения. Поскольку они были заботливо накрыты пыльной защитной тканью, Ева решила, что Хопкинс, скорее всего, собирался восстановить бар. Она проверила заднюю дверь, которая тоже оказалась запертой. Другая дверь вела в кладовую, где теперь был свален строительный мусор. Два окна, не слишком больших – в них могла пролезть разве что кошка, – были забраны решетками.

Туалетные комнаты на главном уровне еще не были оборудованы.

– Если ты не сидишь здесь и не ждешь, когда я надену на тебя наручники и зачитаю твои права, то, значит, ты нашел выход на улицу, – пробормотала Ева в раздумье.

Она посмотрела на старинный лифт, но предпочла ему винтовую лестницу. «Криминалистам непросто будет найти подходящие отпечатки», – подумала она. Многолетняя грязь и пыль соседствовали с засохшими подтеками воды, оставшимися, по-видимому, от тушения давнего пожара.

Ева обозначила и засняла несколько размытых отпечатков ног на грязном полу.

«Холодно, – подумала она. – Здесь жутко холодно».

Она представила, как выглядело пространство второго этажа, заставленное столиками и заполненное людьми в дни своего расцвета. Из динамиков лилась оглушительная музыка, «колеса», бывшие тогда в ходу, бесплатно раздавали собравшимся повеселиться. Хромированные перила были начищены до блеска и сверкали под яркими огнями разноцветных лампочек.

Ева немного постояла, глядя вниз на андроидов из бригады медэкспертизы, упаковывавших тело. «Отсюда все отлично просматривается, – подумала она. – Можно понаблюдать за каждым. Потные танцующие люди виляют задницами на танцполе, надеясь, что кто-нибудь их заметит и оценит».

Ты пришел сюда ночью, Хопкинс? Было ли у тебя достаточно мозгов, прежде чем их вышибли, чтобы прийти заранее и осмотреться? Или ты бесстрашно вошел внутрь?

На втором этаже Ева обратила внимание на приоткрытое окно, ведущее на пожарную лестницу.

– Вот и вся тайна, – сказала она и включила диктофон на запись. – Очевидно, убийца покинул здание этим путем. Чистильщики проверят окно, лестницу и соседние участки на отпечатки и другие улики. А там что? – Ева нагнулась и посветила фонариком на подоконник. – Кровь – вероятно, жертвы. Кровь могла попасть на одежду убийцы, когда он

наклонился над телом жертвы для выстрела в упор.

Нахмурившись, Ева перевела луч фонарика ниже, где на полу что-то блеснуло.

– Похоже на ювелирное украшение, или... хм-м, что-то вроде заколки для волос, – уточнила она, когда подняла предмет пинцетом. – По-моему, это брошка с бриллиантами шириной полдюйма и длиной около двух дюймов. Пыли на ней нет, камни чистые, оправа, похоже, платиновая. На первый взгляд вещь старинная.

Ева убрала заколку в пакет. Она успела сделать несколько шагов, когда услышала, как над головой скрипнула половица. Это старый дом, напредила она себе, но на всякий случай достала оружие и бесшумно отступила к частично обрушившейся задней стене, за которой находилась винтовая лестница.

Звук послышался снова – едва слышный скрип. На какое-то мгновение Еве показалось, что она слышит хрипловатый женский голос, что-то поющий об истекающем кровью сердце.

Пол на верхнем этаже был подметен. Доски обгорели и рассохлись, но на них не было пыли. На облупившихся стенах виднелись следы копотии от пожара. Насколько она могла представить, в этом помещении предполагалось устроить просторную гостиную с примыкающим к ней кабинетом.

Ева посветила вокруг фонариком, держа оружие в руке, но не увидела ничего, кроме строительного мусора. Теперь

единственным звуком был звук ее собственного мерного дыхания, сопровождаемый вырывавшимися изо рта облачками пара.

По законам физики теплый воздух должен подниматься вверх, но здесь было еще холоднее, чем внизу. Ева прошла через дверной проем слева и приступила к тщательному осмотру помещения.

«Пол слишком чистый, – снова отметила про себя Ева. – Ни мусора, как в соседней маленькой комнате, ни граффити на стенах».

Ева наклонилась к большой дыре в стене в дальнем правом углу комнаты. Дыра выглядела так, словно ее аккуратно вырезали по заданным размерам, как дверной проем.

Ева пересекла комнату и посветила фонариком во тьму.

Скелет лежал в позе человека, прилегшего отдохнуть. В центре лба черепа виднелась крошечная дырочка. В пожелтевших костяшках пальцев была зажата заколка с камнями – точная копия украшения, найденного Евой. Около другой руки валялся хромированный полуавтоматический пистолет.

– Что за дьявольщина, – пробормотала Ева и достала свой коммуникатор, чтобы вызвать Пибоди.

2

– Это она. Это точно она.

– Жена предка нынешнего покойника? – Ева и Пибоди ехали с места преступления к дому Рэдклиффа С. Хопкинса.

– Или любовница. Я не уверена, что они действительно были женаты. Нужно проверить, – добавила Пибоди, сделав пометку в электронной записной книжке. – Но вот что мы имеем: Хопкинс номер один убивает Бобби, а потом замуровывает тело в стене своей квартиры над клубом.

– И копы не заметили новенькую кирпичную кладку в квартире?

– Может быть, они плохо искали. У Хопкинса было много денег и море запрещенных наркотиков. К тому же он имел кучу связей и, возможно, обладал некой информацией, которую не хотели предавать огласке в определенных кругах.

– То есть он купил следствие. – Независимо от того, случилось ли это восемьдесят пять лет назад или только вчера, мысль о продажных копах оскорбляла чувства Евы. – Но это не исключено, – признала она. – Если это пропавшая жена или подруга, то, наверное, о ее исчезновении не сообщали до тех пор, пока он не прикрыл себя со всех сторон. Затем последовала взятка или классический шантаж по отношению к следователям, и он вышел сухим из воды.

– Но все-таки он повредился в уме. Господи, Даллас, он

на десять с лишним лет заперся в квартире с трупом, замурованным за стеной!

– Возможно. Нужно установить по костям дату смерти и идентифицировать жертву. Криминалисты чуть ли не плакали от радости над этими костями, когда заполучили скелет. Но пока они там веселятся, у нас есть другое дело, открытое совсем недавно.

– Но вам же любопытно, правда? Вам интересно, действительно ли мы нашли Бобби Брэй. И что за мистика с этими брошками или заколками для волос?

– Почему же мистика? Ясно, что это убийца подложил их. Он хотел, чтобы мы нашли кости, в этом нет сомнений. Сложив одно с другим, мы приходим к выводу, что скелет связан с нашей жертвой – по крайней мере, с точки зрения убийцы. Что у нас есть по Хопкинсу номер три?

– На момент убийства ему было шестьдесят два года. Три брака, три развода. Единственный отпрыск – сын от второго брака. – Пибоди заглянула в свою записную книжку. – Мотался между Нью-Йорком и Новым Лос-Анджелесом, да еще в парочку мест в Европе. Бизнес в сфере развлечений, в основном маргинальных. Судя по всему, он не обладал способностями своего деда. Родители умерли при крушении частного самолета двадцать пять лет назад, других родственников нет.

Пибоди подняла голову.

– Род Хопкинсов не отличается плодовитостью и долголе-

тием. Видимо, это часть фамильного проклятия.

– Это часть плана по контролю над рождаемостью плюс невезение, – высказала свою точку зрения Ева. – Что еще у нас есть полезного?

– Вы удивитесь, – сказала Пибоди. – Дело в том, что Хопкинс номер два был женат четыре раза. Лишь один из его сыновей выжил – во всяком случае, был живым до прошлой ночи. Он имел дочь от другого брака, которая утонула еще подростком, и второго сына от третьего брака, который повесился в возрасте двадцати трех лет. По мне, такое невезение больше напоминает проклятие.

– Для меня это второстепенная информация, не имеющая прямого отношения к делу. Дай еще что-нибудь по нашей жертве.

– Хорошо, хорошо. Рэд Хопкинс растратил целую кучу денег, накопленных его отцом, и большую часть унаследованного от матери, которая была светской дамой голубых кровей. Несколько мелких пятен на репутации – подозрения в незаконных махинациях, сексуальном домогательстве и серых бизнес-схемах. В тюрьме не сидел. И еще: у него не было лицензии на хранение огнестрельного оружия.

– Где сейчас его бывшие жены?

– Первая жена живет в Новом Лос-Анджелесе. Актриса, снималась в фильмах категории В, хотя на самом деле В-минус. Третья жена живет в Европе, вышла замуж за какого-то английского аристократа. Но вторая жена осталась здесь, в

Нью-Йорке. Ее зовут Фанни Гилл, работает инструктором по танцам. Сын – Клайв Гилл Хопкинс, хотя он официально отказался от отцовской фамилии в возрасте двадцати одного года. Они содержат танцевальную студию.

– Нью-Йорк – это такое место, куда легко попасть и откуда легко убраться. Мы проверим их. Деловые партнеры?

– В данный момент ни одного. Хопкинс регулярно подставлял их. Но он был единственным владельцем собственной компании, зарегистрированной по адресу его проживания. Дом, где его убили, он приобрел на аукционе полгода назад.

– Немного же он успел сделать за шесть месяцев.

– Я связалась со строительной компанией, проводившей ремонтные работы. По словам владельца, ему пришлось отозвать рабочих через три недели. Он полагает, что у Хопкинса закончились деньги и он стал искать финансовую поддержку на стороне. Хопкинс позвонил ему несколько дней назад и сказал, что хочет возобновить работы.

– Значит, он достал деньги или провернул какую-то сделку. По его виду не скажешь, что он бедствовал, – заметила Ева, подъезжая к дому Хопкинса. – Старинные наручные часы, бумажник модной марки, роскошные туфли.

Ева показала швейцару свой жетон.

– Мы к Рэдклиффу Хопкинсу, – сказала она.

– Я позвоню ему и предупрежу, что к нему посетители.

– Не стоит трудиться. Он в морге. Когда вы в последний раз его видели?

– Он умер? – Швейцар, невысокий плотный метис примерно сорока лет, удивленно приоткрыл рот и уставился на Еву. – Мистер Хопкинс умер? Что с ним произошло? Несчастный случай?

– Да, он мертв, но это не несчастный случай. Когда вы в последний раз его видели?

– Вчера. Он вышел из дома примерно в половине первого дня и вернулся около двух часов дня. Я сменился в четыре часа, а мой сменщик ушел в полночь. С полуночи до восьми утра в доме нет швейцара.

– К нему кто-нибудь приходил?

– За время моего дежурства никого не было. Дом поставлен на охрану; чтобы подняться на лифте, нужно набрать личный код. Квартира мистера Хопкинса находится на шестом этаже. – Швейцар покачал головой и потер шею рукой, затянутой в перчатку. – Умер, надо же! Не могу в это поверить.

– Он жил один?

– Да.

– Часто развлекался?

– Изредка.

– Как насчет развлечений на всю ночь? Да будет вам, Клайв, – добавила Ева, взглянув на латунную бляшку с его именем. – Он мертв, ему уже все равно.

– Изредка, – повторил швейцар и надул щеки. – Он... э-э... любил разнообразие, поэтому у него не было постоян-

ной женщины. Вообще-то он любил молоденьких.

– Насколько молоденьких?

– Я бы сказал, от двадцати до двадцати пяти лет. Правда, последние две недели при мне к нему никто не приходил. Он почти каждый день уезжал из дому и возвращался лишь на короткое время. Наверное, проводил встречи по поводу предстоящего открытия его клуба.

– Ладно, спасибо. Мы поднимемся наверх.

– Я вызову для вас лифт.

Клайв придержал дверь, пока они входили, потом подошел к первому из двух лифтов. Он провел свою кодовую карточку через приемную щель и набрал код.

– Мне жаль мистера Хопкинса, – сказал он, когда двери открылись. – Он никогда не доставлял беспокойства, а уж тем более неприятностей.

– Неплохая эпитафия, – заключила Ева, когда лифт двинулся наверх.

Квартира Хопкинса была одноуровневой, но просторной, особенно потому, что в ней почти не было мебели. В гостиной стояло кресло-кровать, обращенное к встроенному экрану. Рядом со множеством дорогих электронных устройств валялись коробки с развлекательными дисками. Перегородка из цветного стекла отделяла пространство гостиной от небольшой спальни.

– На стенах еще недавно висели картины, – заметила Ева. – Видишь квадраты и прямоугольники более темного

оттенка? Похоже, он продал их, чтобы собрать деньги для своего проекта.

Вторая спальня была превращена в рабочий кабинет. Судя по его виду, Ева не сказала бы, что Хопкинс был аккуратным и организованным человеком. Стол был завален записками, набросками, мемо-кубиками, кофейными чашками и грязными тарелками.

В памяти настольного коммуникатора сохранились разговоры покойного, елеиным тоном расписывавшего преимущества своего проекта перед потенциальными спонсорами или договаривавшегося о встречах с той же целью.

– Данными и коммуникациями займется отдел электронного сыска, – сказала Ева. Специалисты этого отдела могли проверить всю контактную информацию быстрее и эффективнее, чем она. – Не похоже, что он развлекался здесь в последнее время, что совпадает с показаниями швейцара. Никаких разговоров о личной жизни на его домашнем коммуникаторе – все только о финансах.

Она прошлась по квартире. Складывалось впечатление, что покойный не столько здесь жил, сколько проживал. Продавал свои вещи, пытался собрать капитал.

– Но мотив убийства – не деньги, – проговорила Ева. – Он был небогат. Нет, мотив был эмоциональным и личным. Его убили там, где были спрятаны пожелтевшие кости предыдущей жертвы. Умышленно. Итак, дом был продан на торгах полгода назад. Какие это были торги, закрытые или откры-

тые?

– Я могу проверить... – начала Пибоди.

– У меня есть более быстрый способ.

Еве всегда казалось, что Рорк – человек, за которого она вышла замуж, – постоянно находился на каком-нибудь совещании, ехал на совещание или возвращался оттуда. С другой стороны, это вроде бы ему даже нравилось. Когда лицо Рорка возникло на экране ее коммуникатора, она почувствовала мимолетное удовлетворение при мысли о том, что он принадлежит ей.

– Один короткий вопрос, – начала она без предисловий. – Подробности аукциона по дому номер двенадцать.

Темные брови Рорка поползли вверх.

– Дом продан за бесценок, – сказал он. – Кое-кто хочет исполнить там свою лебединую песню, которая вполне может превратиться в панихиду. Или это уже произошло?

– Быстро соображаешь. Да, нынешний владелец лежит в морге. Значит, он приобрел дом по дешевке?

– Бывшие владельцы несколько лет держали здание на рынке и выставили его на публичные торги несколько месяцев назад после очередного пожара.

– Пожара?

– Там произошло несколько пожаров по неизвестным причинам, – с певучим ирландским акцентом пояснил Рорк. – Хопкинс, не так ли? Потомок бесславного рода. Как он был убит?

– «Смит-и-вессон» калибра девять миллиметров.

На его выразительном лице отразилось удивление.

– Интересно. Насколько я понимаю, ты нашла оружие.

– Да, оно у меня. Потом расскажу подробнее. Ты знал об аукционе, верно?

– Да. Он был широко разрекламирован в течение нескольких недель. Здание с такой историей привлекает репортеров.

– Так я и думала. Если это было выгодное предложение, почему ты не ухватился за него и не поместил на свою мегадоску для игры в «Монополию»?

– Дом проклят. В нем обитают призраки.

– Ну да, конечно, – Ева насмешливо фыркнула, но Рорк был серьезен. – О'кей, спасибо. Увидимся позже.

– Не сомневаюсь.

– Могли бы вы просто послушать его? – со вздохом спросила ее Пибоди. – Я хочу сказать, разве вы не могли просто закрыть глаза и послушать?

– Заткнись, Пибоди. Убийца Хопкинса должен был знать, что дом выставлен на продажу. Может быть, он подал заявку на участие в торгах, а может, и нет. Так или иначе, он не стал договариваться с предыдущими владельцами, а дождался Хопкинса, чтобы свести с ним счеты. Заманил его в ловушку, убил его, оставил оружие и украшение – или это все же заколка для волос – около скелета за кирпичной стеной. Одним словом, сделал заявление для полиции.

Пибоди с шумом выдохнула воздух.

– Эту квартиру не назовешь визитной карточкой владельца.

– Так или иначе, давай сначала обобщем ее, а уж потом отправимся на танцы.

Танцевальная школа Гиллов находилась на четвертом этаже уродливого, похожего на обрубок дома в Вестсайде, построенного после Городских войн. Они вошли в большой гулкий зал с зеркальной стеной, балетной стойкой, несколькими стульями и декоративной ширмой, отделявшей крошечный стол от остального помещения. Здесь стоял запах пота, густо замаскированный цветочным освежителем воздуха.

Сама Фанни Гилл была тощей, как угорь, с жестким настроенным лицом и пышной копной светлых волос, с красным шарфом на голове. Ее тонкие губы сомкнулись еще плотнее, когда она присела на краешек стола.

– Значит, кто-то убил эту крысу, – сказала она. – Когда будут похороны? У меня есть красное платье, которое я берегу для особых случаев.

– Никаких сожалений об утраченной любви, мисс Гилл?

– Вот именно – утраченной, золотко. Видите моего мальчика? – она указала подбородком в сторону ширмы. Там молодой мужчина в трико и футболке без рукавов вел занятия с группой девушек довольно неряшливого вида. – Он единственное стоящее приобретение, которое я получила от Во-

нючки Рэда. Мне было двадцать два года, и я была свежей и совсем зеленой.

Она не столько вздохнула, сколько фыркнула, словно давая понять, что те золотые деньки давно остались в прошлом.

– Я действительно влюбилась в него. Этот подонок умел обращаться с девушками, у него был свой стиль. Вышла за него замуж, забеременела. У меня было немного денег, около двадцати тысяч. Он взял их и вложил в дело. – Ее губы сжались в тонкую линию. – Просадил все, до последнего доллара. Он мечтал повернуть наконец крупную сделку и оказаться на коне. Черта с два! К тому же он изменял мне. Но я оставалась с ним почти десять лет, потому что хотела, чтобы у мальчика был отец. В конце концов до меня дошло, что пусть лучше у моего сына не будет никакого отца, чем будет такой паршивец. Я развелась с ним – наняла гребаную акулу-адвоката... простите за выражение.

– Ничего страшного. Копы постоянно слышат такие слова, как «адвокат».

Фанни издала короткий смешок и заметно расслабилась.

– И взять-то с него было нечего, но свою долю я получила. Хватило на то, чтобы основать это заведение. Представляете, этот сукин сын обратился ко мне за ссудой! Разумеется, он назвал это «надежным капиталовложением». Это было два месяца назад. Ни черта он не изменился, все такой же!

– Это «надежное капиталовложение» относилось к покуп-

ке дома номер двенадцать?

– Верно. Но я не хотела иметь ничего общего ни с этим местом, ни с Рэдом.

– Мисс Гилл, вы не могли бы сказать, где вы были вчера ночью? Скажем, с полуночи до трех утра?

– Спала в своей постели. У меня первый урок в семь утра. – Она хмыкнула. Казалось, подозрение в убийстве больше забавляет, чем оскорбляет ее. – Знаете, если бы я хотела убить Рэда, то сделала бы это двадцать лет назад. Вы собираетесь допросить и моего мальчика, не так ли?

– Это обычная процедура.

Фанни кивнула.

– Я сплю одна, но он спит не один.

– Мертв? Убит? – Клифф Гилл опустил полотенце, которым он вытирал мокрое лицо. – Как? Когда?

– Сегодня ночью. Подробности убийства в настоящий момент не подлежат разглашению. Вы можете сказать, где вы находились между полуночью и тремя часами ночи?

– Мы были в городе вместе с друзьями и вернулись домой около часа ночи. Хм-мм... дайте подумать... – Клифф взял бутылочку с водой, посмотрел на нее и сделал глоток. Он был хорошо сложенным тридцатилетним мужчиной с мелированными светлыми волосами, схваченными в хвост. – Мы с моим сожителем Ларсом Гэвином встречались с друзьями в «Ахиллесе», это ночной клуб на окраине города. Лег-

ли спать сразу же после того, как вернулись домой. Я встал примерно в семь утра или в половине восьмого. Извините, мне нужно сесть.

– Нам понадобятся имена и контактные номера людей, с которыми вы были в тот вечер, и номер, по которому мы можем связаться с вашим сожителем.

– Да, конечно... Но как? Как это случилось? – Он ошеломленно посмотрел на Еву. – Его задушили?

– Нет. Сейчас я не могу раскрыть вам подробности. Когда вы в последний раз связывались с отцом?

– Месяца два назад. Он пришел к матери, чтобы одолжить у нее деньги. Как будто это могло сработать! – Клифф выдавил кривую улыбку. – Потом он обратился ко мне, и я дал ему пять сотен.

Он посмотрел на Фанни, занимавшуюся с другой группой возле балетной стойки.

– Мама освежает меня, если узнает об этом.

– Это был не первый раз, когда вы давали ему деньги? – спросила Ева.

– Время от времени я одалживал ему несколько сотен. Тогда он отставал от матери, и мы жили нормально. Я имею в виду балетную школу. У нас все в порядке, а Ларс... в общем, он понимает.

– Но на этот раз ваш отец сначала обратился к вашей матери.

– Он добрался до нее прежде, чем я успел перехватить

его. Думал, ему удастся сладкими речами вытянуть из нее приличный кусок для своего проекта. Очередная выгодная сделка... У него всегда были на уме выгодные сделки.

Клифф потер лицо руками.

– Они поссорились из-за этого? – спросила Ева.

– Нет. Моя мать уже давно перестала ссориться с ним. А отец, он не спорил, только пытался умаслить ее. В общем, она посоветовала ему прийти снова, когда ад замерзнет, поэтому он подкатил ко мне за деньгами. Сказал, что свяжется со мной, когда дела пойдут на лад, но это была очередная ложь. Не имеет значения, я потерял лишь пять сотен.

– Скажите, мистер Гилл, почему вы убрали фамилию Хопкинса из своего полного имени?

– Из-за этого места: оно называется танцевальной школой Гиллов. Из-за моей матери, – он смущенно пожал плечами. – Кроме того, фамилия Хопкинс имела определенную репутацию – она приносила неудачу.

Еву не удивило, что судмедэксперт Моррис сразу же занялся Хопкинсом. Многочисленные пулевые ранения представляли интерес для специалиста, были глотком свежего воздуха после колотых ран, увечий от тупых предметов, удушений и смертей от передозировки, с которыми он постоянно имел дело.

Моррис, в костюме бронзового оттенка под прозрачной защитной накидкой, с длинными темными волосами, схваченными в хвост сзади, стоял над телом и лучезарно улыбался Еве.

– Это чрезвычайно интересный экземпляр, – сказал он.

– Рада, что ты доволен, – ответила Ева. – Есть что-нибудь, о чем я еще не знаю?

– Представителей одного вида плодовой мушки называют «павлинами», потому что они с важным видом расхаживают по гнилым плодам.

– Гм. Запишу на всякий случай, но давай поконкретнее. Что скажешь о жертве?

– Первые четыре ранения в грудь и ранение в ногу не представляли смертельной опасности при условии своевременного хирургического вмешательства. Следующий выстрел раздробил позвоночник, а седьмой повредил почки. Номер восемь – легкое ранение в мясистую часть плеча. К

тому времени он был уже мертв. Последняя пуля, выпущенная с близкого расстояния, вошла в мозг, хотя нужды в ней уже не было.

Моррис указал на стенной экран и вызвал программу.

– Первые пули вошли почти под прямым углом, – продолжал он, пока графики разворачивались на экране. – Я согласен с компьютером, что нападавший произвел четыре быстрых выстрела, целясь в туловище. Жертва упала после четвертого выстрела.

Ева изучила реконструкцию вместе с Моррисом, отметив, что первые две пули покойный встретил стоя, а во время двух следующих выстрелов немного наклонился вперед, прежде чем упасть.

– Крепкий мужчина, – заметила Пибоди. – Он пошатнулся, но удержался на ногах после первых двух выстрелов. Я, правда, видела только учебные фильмы, в которых умирали от огнестрельных ранений, – добавила она, – но я бы подумала, что первый выстрел должен был опрокинуть его.

– Его габариты, ударный шок и скорость стрельбы замедлили падение, – сказал Моррис. – Опять-таки, судя по углам входа пуль, он, скорее всего, отшатнулся назад, потом слегка наклонился вперед и упал, приняв свой вес на руку и колено.

Он повернулся к Еве:

– В вашем отчете упоминается о следах крови, указывающих на то, что жертва пыталась уползти от нападавшего.

– Правильно.

– При этом нападавший последовал за жертвой и продолжил стрельбу сверху вниз, о чем свидетельствуют углы входа пуль, выпущенных в спину, ногу и плечо.

Сузив глаза, Ева рассматривала компьютерную реконструкцию.

– Убийца шел за ним и стрелял, пока он полз, весь в крови. Ты когда-нибудь стрелял из пистолета, Моррис?

– Вообще-то нет.

– А мне приходилось, – продолжала она. – Довольно интересное ощущение. Отдача делает тебя частью оружия, она как будто проходит через тебя. Готова поспорить, убийца получал удовольствие от этого. Ему нравилось посылать пулю за пулей в человека, который пытался уползти от него, оставляя кровавые следы на полу.

– Люди всегда находят оригинальные и безобразные способы убийства. Я бы сказал, что стрельба из пистолета делает убийство менее личным, но только не в этом случае.

Ева кивнула.

– Да, это было личное, почти интимное дело. Особенно девятый выстрел.

– Для девятого выстрела убийце пришлось приподнять или перевернуть жертву. На этот раз он с силой приставил пистолет ко лбу. Там не только ожог и следы пороха, но и круглый кровоподтек, совпадающий с диаметром ствола.

– *Посмотрим, как тебе понравится это, ублюдок,* – проворкотала Ева. – Что-то в этом роде, да?

– Да, несомненно. Если не считать, что в него всадили девять пуль, убитый находился в относительно добром здравии, хотя ему не мешало бы сбросить килограмм пять лишнего веса. Он красил волосы и делал подтяжки вокруг глаз и на подбородке в течение последних пяти лет. В последний раз он поел примерно за два часа до смерти. Соевые чипсы, пикули и плавленый сыр под домашнее пиво.

– А пули?

– Я направил их в лабораторию, но сначала пропустил через свою систему. Калибр девять миллиметров. – Моррис переключил программу, и на экране появились изображения пуль, извлеченных из тела.

– Они сильно деформированы, верно?

– Ткани, кости и органы пострадали куда больше. У жертвы на руках нет следов пороха или ранений, полученных в ходе борьбы. Синяк на левом колене появился, когда он упал. То же самое относится к царапинам на ладонях.

– Значит, он не сопротивлялся или не имел возможности сопротивляться. Даже не смог увернуться. – Ева сама повернулась, словно готовясь к бегству. – Все указывает на то, что он не пытался убежать, когда увидел пистолет.

– Да, все говорит об этом.

Она пришла к такому же выводу еще на месте преступления.

– Человек обычно не закусывает чипсами и пикулями, если он напуган или нервничает, – вставила Пибоди. – Про-

верка его видеоаппаратуры показала, что он смотрел мягкое порно примерно в то время, когда устроил закуску с пивом. Он не маялся от беспокойства.

– Он знал убийцу и, вероятно, рассчитывал, что сможет удержать ситуацию под контролем, – согласилась Ева. Она снова посмотрела на труп. – Тут он ошибся.

– Дом номер двенадцать? – спросил Моррис, когда Ева двинулась к двери.

– Совершенно верно.

– Значит, легенда о Бобби Брэй подошла к концу.

– Она исчезла, и ее сочли мертвой.

– Знаю. Роскошная женщина с голосом измученного ангела.

– Если ты помнишь Бобби Брэй, то классно выглядишь для своего возраста, Моррис.

Он широко улыбнулся.

– Ей посвящены тысячи веб-сайтов, она – культовая фигура. Представляешь, красавица в начале звездной карьеры вдруг исчезает бесследно. Сообщения о том, что ее видели в разных местах, поступали еще много лет, а слухи о ее призраке, посещающем дом номер двенадцать, не утихают до сих пор. Необъяснимо: холод, привидение и музыка из ниоткуда – тебе приходилось иметь с этим дело?

Ева подумала об услышанном обрывке песни и о пронизывающем холоде в заброшенном доме.

– У нас есть кости, возможно принадлежавшие ей, – ска-

зала она. – Они вполне реальны.

– Я поработаю над ними вместе с криминалистом-антропологом в лаборатории. – Улыбка Морриса оставалась все такой же лучезарной. – Не могу дождаться, когда доберусь до нее.

Вернувшись в Центральное управление, Ева уселась за стол в своем кабинете и стала восстанавливать последний день жизни Хопкинса. Установила, что в первой половине дня у него был бизнес-ленч с двумя местными влиятельными персонами, имевшими железное алиби на время убийства. Более глубокая проверка его финансовой документации показала нерегулярный доход за последние несколько лет от магазина под названием «Былые времена», последний перевод поступил в середине декабря.

– И все равно ты балансировал на краю, Рэд, – пробормотала она. – Как ты собирался оплачивать ремонт? Ждал, что деньги упадут тебе на голову? Что ты собирался принести в дом номер двенадцать вчера ночью?

Хопкинс получает вызов на карманный коммуникатор. Вызов странный и загадочный, но он не впадает в панику. Сидит себе, закусывает и смотрит мягкое порно.

Ева откинулась на спинку стула и прикрыла глаза. Запись системы безопасности в доме Хопкинса показала, что он ушел один, в 01.35 ночи. Складывалось впечатление, будто он насвистывает мелодию, вспомнила Ева. Он ни о чем

не беспокоился. В руках у него ничего не было: ни кейса, ни сумки, ни пакета.

– Эй!

Ева открыла глаза. Перед ней стоял Фини, капитан из отдела электронного сыска. Как всегда, он выглядел взъерошенным, жесткие рыжие волосы топорщились, добродушное лицо светилось улыбкой.

– Что у тебя есть?

– Больше, чем у тебя, – сказал он и вошел в кабинет. – Дом номер двенадцать.

– Господи, почему все вокруг повторяют это? Как будто этот дом находится в какой-то отдельной зоне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.